

СЕРГЕЙ
Зверев

**ЯДЕРНЫЙ
КЛАН**

СПЕЦНАЗ

Спецназ

Сергей Зверев
Ядерный клан

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Ядерный клан / С. И. Зверев — «Эксмо», 2019 — (Спецназ)

ISBN 978-5-04-105025-2

В начале 90-х в Дагестане боевики напали на российскую военную базу с целью завладеть секретной ядерной миной. В том бою выжил только один рядовой Забайраев, который и похитил уникальный боеприпас. Спустя много лет моджахеды узнали об этом и вынудили Забайраева отдать им мину. Экстремисты превратили его сына в ярого фанатика, которого начали готовить к чудовищному теракту в Сирии. О плане боевиков стало известно ФСБ. По следам террористов отправляется группа спецназа ГРУ подполковника Молодцова. Он знает, как заставить смертников отказаться от своих планов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105025-2

© Зверев С. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
1	10
2	11
3	13
4	16
5	17
6	19
7	21
8	24
9	26
10	28
11	31
Глава 2	33
1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Иванович Зверев

Ядерный клан

© Зверев С.И., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

© Militarist, Excellent backgrounds / Shutterstock.com

Пролог

Желтая гадюка с красивой головой, окаймленной белой полосой, застыла на расстоянии вытянутой руки от Филимонова. Никакой агрессии она не проявляла, лишь время от времени посылала морзянку языком – то коротко, точками, то с задержками, тирешками, – показывая его капитану, и он даже попытался переложить эти сигналы в буквы. Глупое занятие, конечно, ну а что еще делать, если двое суток лежишь недвижимо в горах и понимаешь, что именно от недвижимости этой, от умения слиться с фоном камня, песка, жесткого кустарника во многом зависит успех операции.

Всего в двухстах метрах и чуть ниже проходит тропа. От нее, как от узкой улочки в деревенские подворья, ведут стежки поуже в две пещеры. В пещерах не то чтобы кипит, но наблюдается жизнь. Вооруженные люди толпятся у входов, но часовыми их назвать нельзя. Ущелье Карера – их дом, они здесь никого не боятся, скорее выполняют роль сторожей и носильщиков. Иногда, пять-семь раз в день, по дороге, которая еще на ярус ниже, подъезжают грузовики, с них снимают тяжелые ящики и тащат в эти пещеры.

Чтоб найти склады, питающие укрепрайоны моджахедов в горах провинции Кунар оружием и боеприпасами, отряд спецназначения излазил за неделю добрую сотню километров. Именно излазил – стараясь быть вот такой гадючкой, бесшумной, но всегда готовой к смертоносной атаке. И – вот они, склады. Теперь надо выбрать момент, чтоб захватить их. Наскоком, с криками «ура» и шашками наголо, не получится: если противник почувствует опасность, то даже слабый и неорганизованный огонь сделает вход в хранилища непреодолимым. Потому двое суток капитан Филимонов лежит и выгадывает те, может быть, несколько минут, которые дадут бойцам возможность без лишнего шума выполнить первую часть поставленной перед ними задачи – проникнуть внутрь правой пещеры. В левой складировали обмундирование и продовольствие, и это тоже надо было выяснить, чтоб не распылять силы и без того немногочисленного отряда.

Короткий взмах смуглой руки – и змея, как муха со стола, сброшена с облюбованного ею камня. Старший лейтенант Акрамов, вернувшийся из короткой разведки – в двух шагах от врага был, – сплевывает в ее сторону и шепчет:

– Командир, сейчас самое то! Кто-то молится, кто-то спит, а этих, у входа, мы снимем. Лучшего времени не придумать!

– Давай, Сархат!

Старший лейтенант и двое бойцов заскользили среди валунов. Двести метров, двести секунд – вполне рабочая скорость для спецназа. Так, Акрамов уже у правой пещеры, охранники мгновенно и бесшумно сняты, даже охнуть не успели, теперь отряду надо быстрым рывком преодолеть нужное расстояние и, желательно с тихим боем – ножами, решить исход первого пункта многоходовой задачи.

Совсем тихо не получилось, внутри склада пришлось немного пострелять, но это тоже подразумевалось.

Только потом капитан Филимонов дал задачу радисту связаться со своими и занял оборону. И у моджахедов связь работала, видно, соседи-«вещевики» доложили о случившемся куда надо, и с разных направлений по пещере стали бить автоматы и пулеметы, а под прикрытием плотного огня по склонам гекконами поползли душманы. Оборону, конечно, можно было держать и час, и два – боеприпасов хватило бы, но пещера была прямой, без извилин, поэтому простреливалась хорошо, а самое паршивое – при прямой наводке или даже при случайном попадании серьезного снаряда хранящиеся тут боеприпасы могли сдетонировать. Ясное дело, врагу бы они не достались, но и самим жить-то хочется.

В общем, надеяться надо было на подход своих и на прилет «крокодилов» – так бойцы между собой называли ударную винтовую авиацию. И свои не подвели: уже через полчаса вспышками электросварки заработали по врагу ДШК и Ми-24, пятнисто-зеленые «крокодилы» пошли обрабатывать свинцом горы...

Часа через полтора прибыли на грузовиках бойцы бригады, стали грузить ящики в кузова. Филимонов открыл один из них. Там лежали новенькие «калаши». Стоявший рядом Сархат взял один из них, хмыкнул:

– Гриш, видел такое? Никаких маркировок, никаких номеров. Кто же сюда поставляет эти автоматы?

Филимонов только руками развел.

– Ладно, тогда я промаркирую.

Старший лейтенант Акрамов выцарапал свои инициалы на прикладе: «С. А.» – и положил автомат туда, где он и лежал.

Заместитель командира бригады подполковник Величко не скрывал радости:

– Три машины трофеев! Ордена и медали вам обеспечены, товарищи!..

А еще через пару месяцев отряд Филимонова понес первые потери: столкнулся в горах нос к носу с бандой полевого командира Сарвархана. Хорошо, помогли «хадовцы» – бойцы афганской службы безопасности. Собирая на месте боя добытое оружие, Сархат позвал командира отряда:

– Гриша, хочешь удивиться? – и протянул ему автомат со своими инициалами.

Филимонов об этом случае доложил Величко, тот даже побледнел:

– Прошу вас, товарищ капитан, не распространять эту информацию, я сам попробую разобраться.

– Ни хрена подобного, товарищ подполковник! Может, именно из этого автомата двух ребят из нашего отряда положили!

В тот же вечер с ним беседовал майор из спецотдела: интересовался, сколько стволов было в пещере, сколько погружено на машины, сколько сдано по описи... Откуда это было знать капитану Филимонову? Он командир отряда спецназначения, его дело – добывать оружие, а не бухгалтерский учет вести. Для этого есть служба РАВ...

Дело об автомате вроде ничем и не закончилось. Подполковник Величко был переведен на новую должность, через полгода уехал в Союз, Филимонов с Акрамовым продолжали шерстить горы, пока на высотах Спинацука не схлопотали по полной программе и не загремели в госпиталь.

Впрочем, к лету восемьдесят седьмого они были уже на ногах и опять в одной связке дрались с душманами до самого последнего. Правда, выходили из Афганистана не прилюдно, не через мост у Термеза, а в районе Кушки.

После этого Филимонов и Акрамов встретились пять лет спустя – в районе Курган-Тюбе. Невеселой была встреча, да и какое веселье может быть на войне?! В Таджикистане всю шла гражданская война, здесь надо было умирять радикальных исламистов и закладывать фундамент под создание силовых структур государства.

Под Душанбе ваххабиты оседлали важную высоту, надо было выбить их оттуда. Такую задачу как раз и получил Филимонов.

«Гантрак», грузовик с бронированным кузовом, на котором были установлены пулеметы, пошел на позиции «вовчиков» (так называли бандитов) напрямую, и они тут же засветили все свои огневые точки. Скрытно продвигавшийся отряд Филимонова подавил их, а местные военные уже выискивали и выцеливали врагов по перевалу. Вот среди этих местных и мелькнуло знакомое лицо.

– Сархат!

– Гриша!

«Какими судьбами?» – этот вопрос при их службе задавать было не принято, просто обнялись, посидели, поговорили и разошлись – каждый по своим служебным делам.

«Дай бог, свидимся»...

А в апреле девяносто третьего полковник Григорий Филимонов столкнулся с еще одним старым знакомым «афганцем». От своего ведомства он присутствовал на заседании Военного совета войск ПВО страны. Там была озвучена информация, что отдельная армия ПВО в Закавказье полностью разграблена националистами, и вывозить оттуда в Россию попросту нечего. Как испарились зенитные ракеты, РЛС, самолеты...

– И это далеко не полный перечень, – выступая, говорил главнокомандующий. – Мы лишились очень ценного и дорогого оборудования. Ответственным за вывод вооружения и тыла Закавказского округа являлся генерал-майор Величко, но всех собак, думаю, на него вешать нельзя. Как он мне докладывал, высокие политики Москвы и Тбилиси, обходя его, принимали решения по передаче нашего имущества Грузии. Да и в Министерстве обороны и Генштабе кто-то лоббировал дорогие и щедрые «подарки» молодым независимым республикам.

Величко сидел в зале, моложавый, подтянутый, на груди теснились ордена и медали. Филимонов подошел к нему, вовсе не по делам службы, а чтобы поздороваться с сослуживцем по Афгану, переброситься парой слов. Но разговора не получилось: генерал слегка поморщился и, лишь едва заметно кивнув ему, отвернулся.

«Да и хрен с тобой, – усмехнулся Филимонов и мысленно послал генерала подальше. – В принципе не были в друзьях – и не будем»...

В девяносто четвертом, с воинскими почестями, уже в звании генерал-лейтенанта, Величко был похоронен на одном из столичных кладбищ. О причине его смерти ходили разные толки, и даже в конторе Филимонова о ней говорили как-то невнятно, словно стесняясь официальной версии: мол, попал под случайную пулю в ресторане, где произошли бандитские разборки.

А пуля эта была совсем не случайной.

Служба в Закавказье, куда он попал сразу после Афганистана, у Величко складывалась очень даже неплохо. И масштабы деятельности тут пошире, и атмосфера помутнее. Ну, что Афган? Можно, конечно, продать пару сотен стволов, но и дрожать при этом приходится, и делиться кое с кем. Однажды он чуть не вляпался: какой-то капитанишка дал повод особистам прицепиться к эпизоду с автоматами, но повезло, что удалось мозги им запудрить: мол, вы же знаете, в тот день один из грузовиков с трофейным оружием подорвался на mine, из засады душманы начали обстрел колонны, хорошо, хоть без особых потерь в расположение бригады вернулись, а два ящика – да, выпали при взрыве, остались в потерях, и меченый автомат опять попал к душманам... Случайность...

Словом, обошлось.

В Закавказье вести бизнес на оружии уже ничто не мешало – здесь люди умели и любили вести бизнес! Почти официально и грузинские, и армянские, и азербайджанские отряды от имени своих государств врывались на военные склады, брали, что им нужно, а в российские войска шли приказы: огонь не открывать, на провокации не поддаваться. Зачастую и государства-то эти сами не знали, что якобы их представители пополняют военные арсеналы. Главное, договориться с нужными людьми и указать, где и что они должны были брать...

Красиво работал Величко, сам собой гордился. Товар его пользовался бешеным спросом, и особенно хорошо платили чеченцы. Один из них, по имени Булат, сказал как-то, что не постоял бы за ценой, если бы можно было раздобыть ядерную мину. И Величко ответил: если эта штуковина существует в природе, то считай, Булат, что она у тебя уже лежит в кармане.

Мина существовала не только в природе, но и в арсеналах Закавказья. По идее, в разгул бардака и распада страны не таким уж трудным делом было прибрать ее к рукам, вывезти в отдельно дислоцированный инженерно-саперный батальон, придумать сценарий, по которому «Р-Я шесть» очутился бы у богатых и решительных людей в горах. Все свои мысли он изложил Булату, получил за них кругленькую сумму. Однако Булат выдал деньги с условием: выгорит затея – получит еще столько же, не выгорит – вернет все до рубля.

Не выгорела. Как, почему – этим надо было серьезно заниматься, и в другое время Величко обязательно нашел бы пропажу, но все опасней становилось проворачивать подобные операции. Одно время ему даже показалось, что особисты ему уже на «хвост» сели, и он на самом деле испугался недавней встречи на совещании с Филимоновым, тем капитанишкой, который подловил его с меченым автоматом. Теперь он, оказывается, уже полковник, служит в солидной конторе, и зачем-то подошел к нему...

Величко решил, что пора ставить точку. И в самом деле: денег было уже столько, что порой не знаешь, куда их девать. Дальнейший риск был не оправдан.

Вскоре генерал стал депутатом и даже председателем комиссии Государственной думы по правопорядку – понадобились «корочки» для неприкосновенности! Величко переехал в Москву и был уверен, что со всем прошлым покончено.

Но в один из дней ему позвонил Булат...

Конечно, Величко не обеднел бы, возвратив ему деньги за несостоявшуюся операцию с миной. Только сумма с озвученными процентами была уж больно большой, значимой даже для него. Потому депутат, с высоты своего положения, рассмеялся горцу в лицо и послал чеченца куда подальше.

– Напрасно ты так... – сурово предупредил Булат. – Это не последний разговор! Запомни этот день...

Генерал все-таки прошел Афган, он был уверен, что врага надо бояться в горах, а не в столице, однако начал носить с собой наградное оружие, а заодно подумал, что не помешало бы нанять профессионального охранника, тем более по статусу ему охрана полагалась. Эта мысль утвердилась в нем, когда во время обеда в дорогом ресторане – в депутатской столовой он не питался – к нему подсел незнакомый кавказец в строгом черном костюме, при галстуке. Культурно поздоровался, пожелал приятного аппетита и передал привел от Булата:

– Он спрашивает, когда вы с ним можете рассчитаться.

Обнаглевший от случайно полученного большого куса государственной власти, Величко ответил крайне грубо:

– Я тебя к столу не приглашал. А Булат получил уже от меня ответ, мне что, его нужно повторить? Ничего он не получит, а будет досаждать, шпионов своих подсылать – я найду на него управу. Сибирь у нас большая, и лагерей много. Так что – иди, гуляй!

Кавказец не вспылал, не стал пререкаться, а вынул из кармана носовой платок, молча вытер им лоб и осуждающе покачал головой. Потом встал и пошел к выходу. Глядя ему в спину, генерал сказал себе: да, охранник нужен, а лучше – два! Завтра же начну поиск хорошего охранного предприятия...

Но «завтра» для него уже не было.

Выстрела никто из посетителей не услышал. Просто Величко упал лицом в салат, как после перепития, и салат мгновенно стал красным от крови.

Примерно неделю это происшествие было «горячей новостью» для прессы, однако вскоре все утихло: убитый депутат – не первый и не последний. А возможно, кто-то дал команду прекратить болтать и муссировать криминальную подоплеку убийства. Это произошло летом девяносто четвертого.

С тех пор прошло почти двадцать лет...

Глава 1

1

Омар выглядел старше своих лет. Этому было простое объяснение: полжизни, почитай, провел в лесах и боях. Приходилось неделями не вылезать из сырых подвалов и холодных землянок, сутками не спать, питаться всухомятку, лезть под пули. Он называл себя счастливым, и для этого у него было два основания. Первое – потому что воевал рядом с великими людьми. С Радуевым ходил в атаку на Кизляр, с Ахмедовым был в самые тяжелые дни под Аргуном, с Бараевым, с его полком особого назначения, брал заложников в Буденновске. Второе – ни одного, даже пустякового ранения Омар не получил. Пули, как заговоренного, обходили его стороной. Видно, то ли судьба, то ли Аллах хранили его. Даже в последнем походе с Гелаевым в сторону Грузии, когда мороз и федералы уничтожили почти весь отряд, он, Омар Дешериев, остался жив. Гелаева он любил, хотя этот генерал и обижал его. К примеру, неоднократно говорил: если б ты, Омар, был хоть немного умнее, ты бы выбился в большие командиры. А так – ничего у тебя нет, кроме храбрости.

Ну и пусть не выбился. А те, кто выбился, – где они? Радуев, Басаев, Бараев, тот же Гелаев – где?

А он жив, он продолжает их дело. Пусть не отдавал приказы, а выполнял их, зато дожил до того времени, когда ему доверили, может быть, то, что повернет течение всей мировой истории. Ему поручено участвовать в формировании отряда, который доставит в халифат оружие неслыханной мощности.

Бойцов в этот отряд отбирали крайне тщательно. Они были сильны, выносливы, знали Коран и еще много чего знали из умных книг, которые изучали с Учителем. Дешериеву знания, изложенные в этих книгах, не давались, зато он прекрасно владел искусством боя. Учил стрелять, учил тактике. Сегодня Омар повел первую группу на самое настоящее боевое испытание. Оно не такое сложное, цель его – просто обкатать молодых, дать им шанс почувствовать себя хоть немного воинами. Они еще не целились в живые мишени, не видели кровь врага. Пусть испытуют это великое, непередаваемое чувство боя.

Два десятка парней стояли перед ним, слушали его инструктаж. Это и их первое задание, и его первое испытание как командира. Он должен доказать всем, что тоже умеет командовать, что не только храбр, но и умен. Он лично провел разведку расположения городка, определил места, откуда лучше вести автоматный огонь по окнам казарм, по вышкам с часовыми. Пять минут интенсивного огня – и они, отойдя в еще темный предутренний лес, знакомыми тропами вернулись к себе.

Затем он поведет к иным объектам вторую группу, третью, и из каждой выберет самых достойных. Именно этот отряд отправится в Мосул, доставит туда ядерный заряд и останется воевать с неверными. Если все пройдет как надо, то, вполне возможно, Учитель доверит именно ему, старому воину Омару Дешериеву, стать во главе этого отряда.

Без четверти четыре. Пора занимать огневые позиции. В четыре он лично даст первую очередь по военному городку – и это послужит сигналом для других. Время он выбрал удачное: солдаты как раз дрыхнут, и от свиста путь запаникуют, полезут под кровати...

Ровно в четыре Дешериев выпустил сразу полрожка в направлении КПП. Вслед за ним ударили автоматы его боевиков.

Но тут произошло то, чего он ждал меньше всего. Последовал ответный огонь. И на этот раз пули не пролетели мимо Омара...

2

На место боестолкновения генерал-майор Громов, начальник УФСБ по Северному Кавказу, прибыл, когда майор Веретенников допрашивал последнего из захваченных бандитов. На вид тому было лет восемнадцать. Тусклый взгляд, тихий голос, бледное, до зелени, лицо. Испуганный пацан. На вопросы отвечал заученно, словно читал шпаргалку. Говорил по-русски с сильным акцентом, но и Веретенников разговорный чеченский язык уже сносно освоил, и Громову переводчик был не нужен, все тут понятно. Аллах велит сражаться с неверными, потому он, Башир Дениев, взял в руки оружие и встал в ряды тех, кто пожелал быть шахидом вечной жизни. Когда он погибнет, в загробном мире его будут считать мучеником и героем, и здесь, на земле, родные будут гордиться им.

Олегу Веретенникову двадцать семь. В этом регионе он вырос, выучился, чувствовал себя своим в каждой городке или ауле. Знал местные традиции, был сведущ в вопросах религий и культур. Полгода назад его хотели было перевести с небольшим повышением в среднюю полосу России, но Громов, новый здесь человек, упросил на время попридержать парня, понимая, как трудно ему будет, если на такой тяжелый участок поставят человека со стороны.

Олег звезд с неба, может быть, хватать и не будет, но в делах обстоятелен, усерден, рассудителен. Прекрасные качества для его профессии.

– Ты плохо знаешь ислам, – похлопал ладонью по Корану, изъятому у задержанного, Веретенников. – Читал бы эту умную книгу внимательно, нашел бы строчки о том, что убийство одного невинного человека перед Аллахом равняется убийству всего человечества. Ты знаешь, Дениев, что означает в переводе твое имя? Если не знаешь, скажу: несущий радость. А ты подло, из укрытия, стрелял по солдатам, тяжело ранил часового, которому тоже восемнадцать лет и который ничего плохого не сделал мусульманам.

– Он неверный, – опять завел свою пластинку Дениев. – А с неверными надо сражаться до полной победы, так велит наша религия...

– Где это сказано в Священном Коране? Найди! – Майор пододвинул к Дениеву книгу, но тот отвел взгляд в сторону. – Неверные, что по-вашему, что по-нашему, просто подлецы, они независимы от национальности. И мусульманство никогда не считает неверными ни христиан, ни иудеев. Они считают их людьми Писания, братьями по единобожию. Здесь все об этом написано, так что лучше бы сам Коран читал, а не слушал проходимцев типа вашего Дешериева!

Дениева увели, и Веретенников, глядя на генерала, тяжело вздохнул:

– С удовольствием бы в морду ему дал, а приходится ликбезом заниматься. Ничего не соображает, так у него мозги засра... Простите, товарищ генерал-майор, замусорены. И у него, и у других. Не хотят думать самостоятельно. Пятого допрашиваю, и все слово в слово тараторят об одном и том же: священная война, джихад... Ну, вы сами слышали.

– Слышал, майор. Ты вот что, Олег, коротенько обрисуй мне общую картину, что тут, когда точно и как произошло.

– Добавить к тому, что я вам доложил по телефону, почти нечего... В общем, так...

В четыре утра банда со стороны гор обстреляла военный городок бригады российских войск, расположенный на окраине дагестанского селения. Был тяжело ранен часовой вещевого склада. Бед, наверное, было бы значительно больше, но мобильная тревожная группа сработала четко и оперативно, вступила в бой с первых же минут нападения. Шесть участников банды были взяты в плен, трое убиты, остальные – по предварительным данным, их осталось тринадцать – рассеялись по горам. С большой долей вероятности можно предполагать, что нападавшие проходили проверку боем, перед тем как их зашлют в ряды ИГИЛ в Ирак или Сирию. Так бандиты поступали уже неоднократно, это их фирменный почерк. Захватить военный городок они, конечно, и не помышляли, просто дали очередную возможность своим новобранцам

понюхать, так сказать, пороху. Они не рассчитывали, что наши бойцы так быстро вступят с ними в бой, потому понесли существенные потери.

Среди захваченных оказался даже их предводитель, Омар Дешериев, сорока восьми лет. Огромный, под два метра, с черной неопрятной бородой. Веретенников допрашивал его первым в больничной палате: Дешериев был тяжело ранен, скорее всего не жилец, хотя врачи, конечно, напрямую это не говорят. Но Олег уже насмотрелся на раны такого характера и мог делать свои выводы: долго Омар не протянет.

– Дешериев – матерый зверь, – заметил Громов. – Я уже наслышан о его делах.

– Да, товарищ генерал-майор. В свое время он входил в банду Руслана Гелаева, лично расстреливал тех, кто был в оппозиции к Дудаеву. Вот он-то и ляпнул мне утром про то, что скоро нас ждет ад. Скотина! Может, бред, может, перед кончиной хорохорился, но я счел нужным сразу позвонить вам.

– Правильно сделал. Ну-ка, еще раз сообщи, что поведал этот бандит.

– Довольно интересные вещи я услышал...

Олег открыл папку, быстро нашел нужные страницы.

– Вот, я тут дословно все записал... «Ничего, вам всем осталось немного, Аллах покарает вас, отправит в ад, какой вы и представить себе не можете. Не веришь, майор? Тогда запоминай: „Р-Я шесть“. Раз я это знаю, то не блефую. Это мало кто знает. Это не для посторонних глаз. А я знаю. Она у нас! Она проснется, когда нам это будет нужно, когда мы захотим». А дальше он потерял сознание...

Громов встал, подошел к окну, задернутому шторами, но раздвигать их не стал и задумчиво проговорил:

– «Она проснется... когда захотим»... Можно, конечно, и на бред списать, да не все туда списывается. Больше бандит ничего не сказал? Пусть непонятное, пусть бессвязное?...

– Товарищ генерал-майор, я ж не первый год замужем, – слегка улыбнулся Веретенников. – Я, конечно, на все обратил бы внимание и шепот бы не пропустил. После слов «когда захотим...» Дешериев просто вырубился.

Громов снял очки, начал, по дурной привычке, покусывать дужку:

– Бред... Может быть. Но – «Р-Я шесть». Знаешь, майор, что это такое?

– В общих чертах. Под такой модификацией в Советском Союзе выпускались ядерные мины. Но их давно сняли с производства – уничтожили. Э... Вроде бы...

– «В общих чертах»... – с тем же задумчивым видом повторил Громов. – Даже мы, военные люди, допущенные к большим секретам, во многом сведущие, и то в свои талмуды заглядываем, чтобы вспомнить об этих минах. Признаюсь, я заглянул в секретную часть, проверил документацию после твоего звонка, на память полагаться не стал, – добавил он в ответ на быстрый взгляд майора.

– Я думал, вы обо мне так, – усмехнулся Олег. – Еще и удивился: откуда могли узнать, что я конспекты свои листал. Правда, в моих записях никакой конкретики о минах – это же было совершенно секретно!

Генерал сел за стол, подвинул к себе телефон:

– Вот видишь, как интересно. Мы учили, мы записывали в секретные тетради и ДСП, и все те полученные знания уже понемножку из наших голов выветрились, а тут какой-то полуграмотный боевик осведомлен о совершенно секретных минах лучше нашего. Что из этого выходит?

– Ясно, товарищ генерал-майор, – кивнул Веретенников, – никакой это не бред! Дешериев что-то знает об этой мине. Значит, она у них вправду есть?

– Есть или нет, гадать не будем. Слишком все серьезно. Поэтому, Олег, надо связываться с генералом Филимоновым...

3

Звонок от генерала Филимонова раздался в семнадцать пятьдесят пять:

– Зайди, Костя...

«Черт! Всего-то пяти минут не хватило, чтоб на совершенно законном основании погасить свет в кабинете и выскочить в сказочный снежный вечер, туда, где уже зажглись лимонные фонари», – в сердцах чертыхнулся Молодцов.

Сегодня у Константина Молодцова планы были такие: метро, пешеходный Арбат, встреча с Настей у бронзового Окуджавы. Но, по всей видимости, срываются эти планы.

Вообще с девушками ему не везло. Только познакомится, только встретится пару раз, только договорится на очередную встречу, и тут – бац! Срочная командировка, служебная встреча, вызов к начальству в неподходящее время, как сейчас. Девушки в мужчинах ценят пунктуальность. Но как при такой службе можно соблюдать это качество?

Ведь до смешного доходит! До Насти он познакомился с Юлей, жгучей брюнеткой, обладательницей бюста, наверное, десятого размера, если есть такой. На выходе из метро она тащила неподъемную для нее сумку. Ну, как не помочь. Помог. От метро до ее дома – полкилометра. «Простите, а нам не по пути?» По пути, не по пути – какая разница, если тяжело девушке. «Вы заслужили кофе»... А чего же отказываться? Первая встреча – только кофе. Вторая обещала быть намного интересней, но едва выпили на брудершафт – сотовый. По этому номеру звонят только в экстренных случаях, когда нельзя не отвечать. «Молодцов, срочно»... Юля, сказал он, давай перенесем нашу встречу. Нет, ответила она, ты трус, ты нашел причину, чтобы убежать, ибо в такую минуту настоящий мужчина никогда не покинет женщину.

С Настей до брудершафта не дошло. На прошлую встречу с ней он опоздал – совещание у шефа затянулось. Она тут же надула губки. И потому сегодня, увидев его, обязательно посмотрит на часы и скажет: «Удивительно, но ты сегодня вовремя пришел, исправляешься»...

Увы, уже не скажет.

А Филимонов по пустякам не звонит, более того, даже если бы он, подполковник Молодцов, успел покинуть свое рабочее место, генерал включил бы все возможности разыскать его и пригласить на беседу тогда, когда ему это надо.

О, как он умеет выстраивать эти беседы! Поначалу-то и не поймешь, что Григорий Григорьевич от тебя хочет, выслушиваешь вроде бы пустяковые вопросы, а потом – бац! И все с ног на голову.

Как на этот раз будет?

Молодцов без стука, поскольку приглашали, зашел в кабинет:

– Вызывали, товарищ генерал-майор?

У Филимонова выражение лица было безмятежным, словно он пригласил Константина почаевничать и покалякать о последней игре «Динамо». Значит, надо быть на стреме, ибо чем ленивей выглядит Григорий Григорьевич, тем острее может закрутиться сюжет.

– Вызывал, Константин Иванович. Вызывал... Слушай, Константин, ты о чем вообще мечтаешь по служебной линии? Каких высот достичь хочешь?

Начинается, отметил про себя Костя. Издалека-издалека, смысла никак не увидеть. Ну что ж, и отвечать надо так же:

– Мечтаю получить звание Героя России, товарищ генерал-майор. Желательно, не посмертно.

Филимонов коротко хохотнул и запустил пятерню в торчащий ежиком седой чуб:

– Знал, что ты самолюбив и карьерист, но чтоб настолько...

– Офицер должен быть самолюбивым и карьеристом, товарищ генерал-майор. Вы сами нам так говорите. А иначе, зачем ты пошел служить в армию?

– Признаю, говорю о самолюбии. Но границы надо все-таки блюсти, скромнее быть. Как там Теркин выразился? Ему орден дают, а он им – «Я согласен на медаль».

– Так орден ему конкретно никто не давал, товарищ генерал-майор. Это просто бойцы зубоскалили.

Филимонов не обратил внимания на реплику Константина, продолжал гнуть свое:

– Звезду Золотую ему, видишь ли, подавай, золота человеку захотелось. А есть, между прочим, кое-что и подороже золота. Вот, к примеру, калифорний, слышал о таком элементе таблицы Менделеева? Один грамм – двести пятьдесят миллионов долларов.

Не знай подполковник Молодцов так хорошо своего начальника, то подумал бы про себя: при чем тут миллионы и калифорний, если закончился служебный день, если девушка ждет у Окуджавы? Ну, чего ради пустые разговоры вести?

– Героев, Константин Иванович, за красивые глазки не дают, для этого пахать и пахать надо, – продолжал между тем генерал. – Ты в этом плане, правда, молодец, потому и подполковника получил досрочно.

Да, досрочно. Веселенькая тогда командировка выдалась – бег с препятствиями по горам, двое суток совершенно без сна, «склон» – в ключья. Впрочем, хрен с ним, с камуфляжем. Группа Молодцова навсегда потеряла там Гришу Карева и надолго – Васю Барчука. Две операции у него позади, предстоит третья... Поскольку поставленная группе задача была выполнена, дали кому медали, кому звания. Вот потому Молодцов и получил внеочередную звездочку на погоны.

– Пахать надо, говорю... – Генерал с прищуром оглядел Костю и добавил: – А у тебя лоску многовато. Одеколоном пахнешь. Будто жениться собрался. Такое впечатление, что ты давно на настоящем деле не был. Давно, да?

Григорий Григорьевич, конечно, знал, что лишь четыре дня назад Молодцов вернулся с Кавказа, причем проводил там время совсем не в здравницах, но ответить все равно надо:

– Группа в среду вернулась с задания, товарищ генерал-майор.

– Да ты что? В среду? А сегодня уже понедельник. Засиделся ты в кабинете, смотрю.

Филимонов встал из-за стола, теперь уже двумя руками вздыбил ерш коротких седых волос, словно снял маску с лица, и остановился напротив Константина.

– Полчаса назад Громов позвонил, надеюсь, понял, какой?

Генерал-майор Громов недавно возглавил УФСБ по Северному Кавказу, и в прошлую среду, перед отъездом, пригласил его, Молодцова, на обед, без особых возлияний, если не считать бутылку «Лезгинки», потом дал машину к трапу самолета.

– Понравился ты ему, – сказал Филимонов. – Потому и попросил именно тебя прислать.

– Для чего, Григорий Григорьевич?

Обращаться так к генералу было не то что в порядке вещей, но вполне допустимо, когда разговор переходил в доверительное русло.

– Ты еще спроси, для чего я калифорний в речь свою впледел. В общем, садись, слушай внимательно. К твоей группе будет придан следователь ФСБ Чесноков Виктор Иванович, и головастый, как меня заверили, представитель ученого мира Вячеслав Калинин. А уже на месте тебе товарищи помогут связаться с бывшим командиром взвода старшим лейтенантом Никифором Яковлевичем Федотовым, ныне пенсионером, имеющим группу инвалидности. Но это, так сказать, информация по персоналиям, а теперь слушай суть.

Раздался телефонный звонок, но генерал тотчас отключил связь, что делал крайне редко. Сие означало одно: эта самая суть была у него сейчас на первом месте.

– Знаешь, Константин Иванович, вполне допускаю, что история, которую ты сейчас услышишь, и выведенного яйца не стоит, но есть факт, который сомнению не подлежит. В начале девяностых из-за бардака, который тогда творился при распаде СССР, в том числе, надо признать, и в силовых ведомствах, у нас действительно пропало изделие, которое носило цифро-

вой номенклатурный код «Р-Я шесть», а в обиходе называлось «ядерным ранцем». Слышал о таком?

Костя слышал, поэтому сразу же сказал:

– За их хранение, если не ошибаюсь, отвечало двенадцатое ГУ МО.

Генерал не раз приятно удивлялся, что Молодцова ни один вопрос не застанет врасплох, о многом офицер знал если не досконально, то хотя бы на информационном уровне. Вот и сейчас: тема ядерной мины в отделе никогда не поднималась, казалось бы, что до нее Константину, а поди ж ты: в курсе.

– Тут трудно сказать, ошибаешься ты или нет. В этом самом Управлении была создана Инспекция ядерной безопасности, потом стала формироваться аварийно-спасательная служба, потом Инспекция превратилась в Управление госнадзора... И это все совпало со временем, когда пошел возврат тактического ядерного оружия из стран Варшавского договора, из республик Закавказья и Средней Азии. Как «ядерный ранец» оказался в одной из обычных частей – в батальоне, дислоцированном в Дагестане, это отдельный разговор, касаемый несколько других служб.

– А наша задача? – спросил Молодцов. – Я так понимаю, найти пропажу?

– Правильно понимаешь, – кивнул генерал. – Найти и ни в коем случае не дать ей выполнить то, для чего она предназначена. Ну, не передумал Героем России стать?

– Если даете возможность немного подумать...

– Хрен тебе, Константин Иванович. Спускайся этажом ниже, там тебя уже ждут товарищи, которые посвятят в детали задания.

Бац – и третий этаж «конторы», вместо Окуджавы и девушки Насти, с которой даже поцеловаться ни разу не успел. Похоже, прощай, Настя...

4

До отлета на Кавказ встретиться и поговорить с «головастым ученым» Вячеславом Калининским подполковнику Молодцову не удалось, и потому в самолете они сидели рядом. Физик был хлипок в кости, макушкой едва доставал Константину до плеча, но взгляд имел уверенный, а голос на удивление твердый и жесткий. А какая глубина в глазах! Такие люди знают себе цену.

– Даже не представляю, что я вам могу сказать нового, – начал он, едва представившись и опустившись в кресло. – Вы, насколько я понимаю, имеете прямое отношение к спецназу ГРУ, «ядерные ранцы» мы в большей степени придумывали для вас, и информация о них должна быть вам известна.

– Лично мне известно мало, – признался Костя. – Эти изделия были и у нас, и у американцев. С середины девяностых США и Россия по обоюдному согласию стали их утилизировать. Я тогда был курсантом, и изучению ядерных мин у нас особого значения уже не придавали. – Молодцов, снисходительно улыбнувшись, решил «забить гол» собеседнику. – Как понимаю, и вы, Вячеслав, только начинали тогда свою карьеру и потому ничего лично придумать для нас не могли.

– «Ранцы» были мощностью до килотонны в тротиловом эквиваленте, – словно бы не обратив внимания на реплику подполковника, продолжил тихим голосом Калинин. – Этот, в общем-то, заряд что надо. Бомба, сброшенная на Хиросиму, была всего в двадцать раз мощнее. Там погибли примерно сто пятьдесят тысяч человек. Разделите на двадцать – мало не покажется. И потом, никаких особых носителей не надо, «ядерный ранец» выглядел действительно заплечным ранцем, весил всего двадцать пять килограммов, а к нему необходим был лишь хороший спецназовец. Что же касается вашего замечания... Когда вы, Константин Иванович, были курсантом, я тоже учился, да, на четвертом курсе, уже корпел над дипломной работой. Я как раз тогда придумал, как на тридцать процентов увеличить мощность «ранца» и одновременно снизить его вес. Тогда уже действительно шла речь о запрещении легких ядерных боеприпасов, но, насколько я знаю, два-три изделия по моим работам были созданы. Начинка та же, калифорний и тритий, но я предложил... – Физик коротко взглянул на Костю. – Впрочем, детали работы уже не актуальны, но даже после закрытия темы вам я их сообщить не имею права. Вероятно, вы необходимой степени допуска к секретности, несмотря на свое высокое звание, не имеете. Могу сейчас сказать только одно: всю открытую информацию, которую я вам сообщил, вы могли бы получить по запросу в письменном виде. А закрытую – сами понимаете... Но знаете, почему я напросился на эту командировку и лечу с вами?

– Нет, – признался Молодцов.

– Мой «ранец» был снабжен тремя системами неизвлекаемости – необезвреживаемости. Слова корявые, но отражают суть. То есть вряд ли кто из даже опытных саперов предотвратит взрыв, если мина уже активирована и пошел отсчет времени. У меня есть шанс это сделать. Мину, так понимаю, вы найдете? Или хотя бы знаете, где ее примерно искать?

Молодцов покачал головой:

– Пока мы знаем лишь то, что один из «ранцев» в девяносто третьем году пропал – есть такое стойкое предположение. Детали возможного похищения только еще предстоит выяснить.

5

Эти самые детали он по крохам узнавал тем же вечером, беседуя со старшим лейтенантом запаса Никифором Яковлевичем Федотовым.

В предоставленном им для этого кабинете они сидели вдвоем – присутствовал еще следователь ФСБ Чесноков. Разговор трудно клеился. Федотов, болезненно худой, с мелкими птичьими чертами лица, возрастом далеко за сорок, был до предела напряжен, вытягивал шею, вслушиваясь в вопросы, но, кажется, плохо понимал их, приходилось постоянно переспрашивать, почти по слогам. Такое поведение человека было вполне понятным: два ранения в голову, сильный удар в висок, от которого осталась заметная вмятина. Удивляться можно было лишь тому, как Федотов вообще выжил в тот сентябрьский вечер тысяча девятьсот девяносто третьего года.

Ему дали вроде бы пустяковое задание: на территории военного городка организовать охрану оружейной комнаты. Городок располагался на границе Дагестана и Чечни. Часть меняла дислокацию, поскольку это было уже то время, когда на Кавказе запахло войной. Новое место для военного городка обустроили километрах в трех от этого. Туда уже перебазировали технику, оружие, тыловые заведения. В опустевшем «ружпарке» остался лишь один контейнер, за которым должны были приехать, кажется, или особысты, или из инженерной службы полка. В ожидании этого и остался в казарме старший лейтенант с пятью бойцами. Солдаты были не его подчиненными, их вообще из разных подразделений набрали – не задействованных в переселении этого отдельного батальона.

– Я вообще-то был связистом, но раз комбат поручил охранять объект – что ж, приказы ведь не обсуждаются. Да и дело-то на первый взгляд пустяковое. Мне сказали, два-три часа тут побыть. Это было в двенадцать дня, а до семи вечера никто за контейнером не пришел.

– А в девятнадцать ноль-ноль пришли?

Бывший взводный опять напрягся, видно, не понял смысл сказанного, и Молодцову пришлось повторить свой вопрос, высказав его более четко:

– Так во сколько за этим контейнером кто-то пришел?

Теперь Федотов вопрос понял и ответил:

– Пришли... Сначала, примерно часов в восемнадцать, появился человек в гражданском костюме – представился ученым. Пока он стоял за пределами городка, за КПП, я комбату позвонил, объяснил ситуацию, он распорядился, чтобы я его пустил. Ученый тоже должен был дожждаться тех, кто за контейнером приедет. Он оказался страшным болтуном, из-за него, думаю, все и случилось. Начал трепаться: вы, мол, даже не догадываетесь, сколько это изделие стоит и какая в нем сила. Бойцы рты пораскрывали. Я оставил их и отлучился на пять минут...

– Что значит – отлучились? – спросил Чесноков.

– Пошел в туалет, – смущенно пояснил Федотов. – В казарме, где была оружейка с контейнером, к тому времени и воду уже отключили, и раковины туалетные вывезли, но у нас туалет и в районе спортплощадки был оборудован, за плацем. Там я и услышал стрельбу. Выскочил – а на меня ствол. И... И все. Выстрел, потом второй. Это помню, как в тумане. Упал на асфальт как в пуховую перину, боли не чувствовал. Смотрю, пламя вырывается из окон. Я за пистолетом потянулся, и тут удар в висок. Очнулся, врачи мне сказали, через двое суток только – выжил чудом. Да и то – как очнулся? Разговаривать начал лишь через полгода, но и сейчас еще...

Фамилий и имен бойцов, охранявших с ним «ружпарк», Федотов не помнил. Не вспомнил ни особых их примет, ни особых привычек.

– А если бы мы показали вам фотографии...

– Сейчас две тысячи четырнадцатый год, двадцать лет с тех пор прошло, понимаете? – не дослушав, отрицательно покачал головой Федотов. – Я когда в себя пришел, жену долго не узнавал. Все стерлось в памяти, все. Только лоб и глаза нападавшего помню.

– Какие лоб и глаза? – одновременно спросили Костя и Чесноков.

– Того ублюдка, который в меня стрелял. Я даже когда в бесспамятстве лежал, видел их, эта картинка в мозгу как отпечаталась. Сросшиеся брови, взгляд... Волчий взгляд, не человеческий...

Щека Федотова задергалась, по губам прошла судорога. Расспрашивать его прекратили, угостили зеленым чаем, перевели разговор на дела рыбацкие, которые он любил, и распрощались.

– Если у нас еще будут вопросы, можно вас побеспокоить? – спросил Чесноков. – Никуда в ближайшее время уезжать не собираетесь?

Никифор Яковлевич только хмыкнул:

– Я мало выездной, до сих пор процедуры, уколы. Конечно, помогу, чем могу, но пользы от меня, сами видите...

6

Виктор Иванович Чесноков к встрече с бывшим взводным, начальником караула, готовился основательно. Проследил по документам весь служебный недолгий путь Федотова от училища до тех самых семи часов вечера, когда в него вошли две пули. Курсантом Федотов был средненьким, но дисциплину не нарушал, задачи, которые перед ним ставили, выполнял, пусть не образцово, но вовремя. Мог ли он вступить в сговор с преступниками? В части офицер успел прослужить полтора года, двадцать лет назад это было, и его бывшие сослуживцы – Чесноков нашел и их – только плечами пожимали: трудно об этом судить, Федотов всегда слыл тихим, незаметным. Но, в конце концов, все они предположения делали одинаковые: вряд ли. Ведь если человек с гнильцой, то за полтора года эта гниль вылезла бы, проявилась. А о Никифоре Яковлевиче и слова плохого сказать нельзя. Тихоня.

И все же окончательные выводы, конечно, делать рано. А вдруг! Известно же: в тихом омуте черти водятся... Можно ведь предположить, что бандиты решили сэкономить на обещанной доле... Однако в данном конкретном случае – вряд ли.

Когда Федотов ушел, Чесноков откинулся на стуле, забарабанил пальцами по столу, прикрыв глаза:

– И что скажешь, Костя? «Глухарь» полнейший? Или есть какие-то мысли?

– На уме у меня пока только одно, Виктор Иванович. Надо звонить майору Веретенникову, чтобы узнать чуть больше об этом бандите, Дешериеве. Служил ли он срочную, а если служил, то где. И вообще, попробовать его разговорить.

– Ход твоих мыслей понятен и правилен, – согласился Чесноков. – Судя по возрасту, Дешериев мог быть тем солдатом, у которого, как выразился бывший взводный, волчий взгляд. Вполне можно допустить, что именно он убил сослуживцев, спер мину... Только не верю я в такие совпадения и в такое везение, что мы сразу на нужного нам типа выйдем. Хотя, чем черт не шутит!

Веретенников по Дешериеву отчитался быстро, так как уже собрал о нем всю доступную информацию. Срочную экстремист, да, служил, но двумя годами раньше, чем произошла пропажа «ядерного ранца», и на Урале. А разговорить его уже никак не удастся: полтора часа назад главарь банды умер, так и не приходя больше в сознание. Не успели вытрясти информацию из мерзавца...

– Ну вот, – сказал Чесноков, – поскольку первая версия у нас отпала, делюсь с тобой, Константин Иванович, дополнительной информацией. В расстреле караула и пропаже ранца осталось много загадок, которые нам с тобой никто не поможет разгадать. Как ты понял, казарму с «ружпарком» подпалили, она сгорела дотла. Когда подъехали пожарные, полиция и представители инженерно-саперного батальона, на пепелище обнаружили семь трупов, опознать которые было уже невозможно, и пять автоматов, которыми были вооружены бойцы.

– Погоди, Виктор Иванович, – перебил его Молодцов. – Почему – семь трупов? Их всего семь человек там было, пять солдат, старший лейтенант Федотов и гражданский, ученый или кто он там. Но офицер оказался на улице и выжил, а кто-то из этого количества людей в него стрелял и ушел с ранцем... Значит, погибших должно быть максимум пятеро!

Чесноков продолжал выстукивать барабанную дробь:

– У меня, товарищ подполковник, по математике твердая четверка в школе была, во всяком случае, считать до семи я тоже могу. Повторяю, сгоревших трупов обнаружили семь. Что еще удалось установить – убитых облили бензином, а потом подожгли. Документов при них не сохранилось – обгоревших по приметам не опознать, а жетонов у солдат-срочников тогда не было, про ДНК эксперты тогда вообще имели слабое представление, к тому же – это ведь Кавказ... Официальное расследование знаешь чем закончилось? Удовлетворением интересов всех

сторон! Во как! Было записано, что на военный городок напали вооруженные бандиты, солдаты оказали им мужественное сопротивление, погибли при исполнении... Ну, в общем, милиция преступление раскрыла, но преступников не нашла, на славный батальон черное пятно тоже не легло – сражались бойцы. А пропажа «ранца» нигде даже не оговорена. Будто его и не было...

– А как он туда вообще попал – об этом что-нибудь известно? С чего вдруг у обычных саперов появился «ранец»?

Следователь ФСБ горестно вздохнул и сложил руки на груди:

– Представляешь, Константин Иванович, даже в то дурное время, когда в ротах неучтенные портянки и подштанники находили, шеи за это мылили старшинам и ротным, – не пропадали такие «изделия». Это же ядерное оружие! Разбирались по полной программе, ведь переполох поднялся бы, даже если бы автомат пропал или лишним оказался, а тут – «ядерный ранец», ценнейшее и секретнейшее изделие, за которым вроде бы тысячи глаз следить должны!

– Плохо, что тысячи, – заметил Молодцов. – Известно ведь, что у семи нянек дитя без глазу.

– Странно все это... Возможно, командование батальона было вообще не в курсе охраняемого груза – секретность... Но кто его туда отправил?

– Во, точно. И ведь что интересно, по документам – не мог этот «ранец» в «ружпарке» храниться, поскольку был отправлен, грубо говоря, на переплавку. Что отправлен – есть такая бумага, а что уничтожен, согласно всяким там конвенциям, – этого документа нет. Что секретный снаряд в «ружпарке» этой роты делал, батальонное начальство ответить на этот вопрос нам не может. Сам комбат погиб в Первую чеченскую, из двух старших офицеров батальона один умер, второй на пенсии, и об этой мине – ни сном ни духом. Допросили уже...

– И инженерная служба про изделие, которое у них находилось, тоже ничего не знает. Так? – дополнил Молодцов.

– Само собой, – кивнул Чесноков. – Инженер части едва дара речи не лишился, в предынфарктном состоянии пребывал, когда я ему на допросе рассказал, что мы ищем. Значит, история с миной или на очень высоком уровне проворачивалась, или на глупейше низком, что тоже бывает: советских прапорщиков сбрасывать со счетов тоже нельзя. Типа по ошибке завезли, оставили... Ну, вроде как в продуктовом магазине: просишь докторскую колбасу, а тебе сырокопченую взвешивают и продают по дешевой цене. Крайне редко, но бывает и такое.

– Хороший пример, – усмехнулся Костя. – Только с колбасой проще, колбасу разыскивать не надо. А здесь... А что с прапорщиками батальона?

– Картина такая же, как и с руководством: двое погибли еще в Первую чеченскую, один оставшийся начсклада тоже опешил – впервые слышит. Но мы его еще поколем...

– Фамилии погибших бойцов вам удалось восстановить, Виктор Иванович?

– Удалось. Но времени мало было, чтоб покопаться там как следует, потому придется немного подождать: мои товарищи попробуют разыскать и по Интернету сбросить сюда их фотографии. Дело, как понимаешь, сложное и хлопотливое. Надо дембельские альбомы сослуживцев пересмотреть, официальные снимки найти, которые три на четыре, но они мало что подскажут. Федотов запомнил лоб и глаза убийцы, следовательно, нужен крупный план, особый ракурс...

7

В гостинице, куда их поселили, всем достались хоть и маленькие, без изысков, но одиночные номера.

Вечером к Молодцову заглянул Вячеслав Калинин, спросил, знает ли он этот южный город и не составит ли ему компанию – хочется осмотреться, прогуляться и поговорить.

А почему бы и нет?

Зимы здесь не было еще и в помине, вместо снега по аллеям парка шуршал под ногами настил нападавших листьев. Но ветер дул со стороны реки уже далеко не ласковый, колючий, прогулке не сопутствовал, и они заглянули в маленькое пустое кафе, выпили по бокалу домашнего вина. Через стеклянную стену этой забегаловки наблюдать за осенью было куда приятней.

– Слава, а ты, случайно, не знал того ученого, который был здесь, на Кавказе, ответственным за вашу ядерную мину?

– Я даже не знал, что здесь был «ранец», – покачал головой Калинин. – Мое дело – изобретать, а эксплуатировать – это уже иное.

– Совсем иное? – спросил Костя.

– Может быть, не совсем... Ну, вот, к примеру, Сергей Палыч Королев был генеральным конструктором, но космические корабли не сам придумывал и не летал на них.

– Не летал, но, думаю, не отказался бы полететь, если бы ему разрешали. Только разрешения никто не давал: вдруг какая-то неточность в расчетах, строители что-то напортачат, стечение обстоятельств – и генерального конструктора не станет.

– У нас ошибки быть не может, – жестко произнес Вячеслав. – Если бы я в этом городе собирал свою мину и ошибся, не было бы не только меня, но и города.

Молодцов бросил на него быстрый взгляд:

– А если бы... Если бы «ранец» оказался в эпицентре пожара, он мог бы взорваться?

– Нет, – ответил Калинин. – Хотя, если быть точнее, от одного пожара мина бы не ожила. Но... Я не знаю точной конструкции пропавшего изделия, их ведь было, я уже говорил, несколько модификаций. При одной допускалось, что мина может сдетонировать, если при высокой температуре рядом раздается взрыв определенной мощности... А эта, пропавшая, что, горела?

– Нет, ее успели вынести до пожара.

Ожил мобильник Калинина, и когда он посмотрел на экран, суровое лицо ученого подобрело.

– Оля, я не знаю, когда приеду... Правильно питаюсь, правильно! И горло берегу. К тому же здесь теплынь. Я привезу рыбы, орехов и меда. Дети как?... Прекрасно, привет им. Целую!

– Жена, – отключившись, пояснил он Косте.

– Разборки не устраивает?

– Ну, что вы! Привыкла. Я езжу в командировки часто. Только все боится, что я заболēju – я ведь кормилец своей большой семьи! Но подвержен, знаете ли, простудам. Мороз, жару переношу хорошо, а вот такие пограничные погоды...

– Она тоже физик?

– Нет, преподает литературу в институте, гуманитарий на сто процентов. Для нее мои формулы и опыты – темный лес. Как для меня особенности прозы Гоголя... – рассмеялся Вячеслав. – Я ее очень люблю. И троих наших детишек. Старшенькая в первый класс пошла. А у вас есть дети?

– Пока холостякую... – Молодцову стало неудобно от этого признания. – Но в скором времени... надеюсь...

– Да, в вашем возрасте уже пора обзаводиться семьей и детьми...

Ха! Да у Кости был прекрасный шанс обзавестись семьей еще перед выпуском из училища. Он уже полгода проводил увольнительные с симпатичной студенткой из мединститута. Маша, модельная девочка, умничка, высокая, под стать ему, была дочерью зама главы администрации района и проректорши университета. Молодцов был вхож в их дом и оценен как достойный жених. Но время было беспокойное, особенно для военных, и будущий тесть сказал как-то за ужином:

– Константин, в моих силах – есть связи – сделать так, чтобы ты снял погоны. Ты же и юристом можешь работать, это я тоже устрою.

Потенциальная теща добавила:

– Да, Костик, да! Мы не хотим, чтоб дочь поседела, ожидая тебя из горячих точек. Юристы хорошо получают, к тому же с квартирой мы вам сразу поможем. Ты посоветуйся со своими родителями...

Маша сидела с умным видом и молчала. Она не хотела перечить папе с мамой и ее устраивала та перспектива, которую они нарисовали.

Костя ни с кем советоваться не стал. У него было свое мнение и видение будущего. Когда пришло время вместе с товарищами бросать в рюмку первые лейтенантские звездочки, он позвонил Маше и сказал:

– В Магадан меня распределили. Поедешь со мной?

– Ну что ты! Там ведь зимой морозы за пятьдесят! – охнула она.

Это был их последний разговор.

Молодцов на семейные темы разговоров не любил и круто поменял тему, затронутую Калининным:

– Вячеслав, с сегодняшнего вечера ты занимаешься со мной ликбезом. Будешь учить меня, как можно надежно обезвредить вашу мину.

– Зачем? – удивился тот. – Я же сюда и направлен как раз, чтобы...

– Зачем ты направлен, я знаю, – перебил его Костя. – Но это Кавказ. Здесь блюда острые подают, желудок прихватить может с непривычки, и потом, горло подведет в самый неподходящий момент. Погода видишь какая? Сырая и промозглая. И такой будет еще долго. И потом, ты ведь в горы не ходок...

– Нет-нет, – запротестовал ученый. – Ничего со мной не случится! И в горы я студентом ходил, в походы...

– Прекрасно, что ты меня понял. – Молодцов будто бы и не слышал Калинина. – Значит, так. Рисуешь подробнейшие схемы знакомых тебе модификаций ядерных мин, завтра к тебе придет местный инженер-рукоделец, и вы с ним смастерите макет этой самой «Р-Я шесть». И каждый день, слышишь, каждый день будешь учить меня уму-разуму...

– Да особого ума и не надо для этого. На панели управления находится набор кнопок, тумблеров, вот с ними и надо поработать.

– А в шпионских кино все проводки какие-то режут, боятся ошибиться: то ли красный нужен для этого, то ли белый, – улыбнулся Молодцов.

– Проводки там есть, конечно – от боевой части к детонатору, – пожал плечами Вячеслав. – Но про их цвета я не знаю. Мое дело – решать принципиальные задачи.

Позже, когда в балконное окно уже заглянула полная луна, Костя набрал номер Насти – он до отъезда из Москвы так и не смог встретиться с ней ни возле памятника Окуджавы, ни где-нибудь еще. Пробовал звонить – не брала трубку. Обиделась, конечно же, но времени встретиться и объясниться не было. К отъезду сюда надо было готовиться, и основательно, служба такая. По идее, Настя должна понять.

Услышав ее голос, он бодро сказал:

– Привет, Настя!

И услышал в ответ:

– Не звони мне больше. У меня... Я... В общем, пойми меня правильно и не звони.
Пошли короткие гудки отбоя.

А может, это и к лучшему, подумал Костя. Во всяком случае, ее ответом не очень расстроился. Она бы никогда не просила его беречь горло и правильно питаться. Чтобы понять это, достаточно и двух встреч. Она бы только сказала, что ей надо привезти из командировки...

8

Утром в его номер постучался Чесноков:

– Предлагаю пораньше позавтракать, взять машину и поехать в гости к Федотову.

– Прислали фотографии? – догадался Костя.

– Да, – ответил Виктор Иванович и высыпал на стол уже распечатанные снимки. Они были сделаны очень профессионально, чувствовалось, что над ними поколдовали и ретушеры, и художник. Пять фото: на всех лоб, глаза, нос крупным планом. Он выложил их рядом, несколько раз при этом меняя местами: – На какое фото ставишь?

Бывший взводный Федотов не сказал, какого цвета волосы были у убийцы. А может, он и это не запомнил. Тут они были как на выбор: русский, рыжий, брюнет, шатен, блондин. Глаза... У всех недобрые глаза, наверное, опять-таки ретушеры постарались. И все-таки Молодцов указал на фото bruneta.

– Солидарен, – поддакнул следователь. – Но вполне допускаю, что Никифор Яковлевич не укажет ни на кого из этой пятерки. Ведь кто-то там был еще...

Федотовы жили в малогабаритной «двушке», комнаты выглядели чистыми, опрятными, ухоженными. Жена его, Елена, на мужа походила мало: толстушка с веселым нравом. Она и встретила гостей, поскольку мужа дома не было – за кефиром в магазин побежал.

Чесноков еще раз оглядел комнаты и сделал свой вывод: небогато живет семья, нет здесь следов роскоши, если офицер когда-то сорвал куш, разве что темное резное кресло, по всей видимости, ручной работы. Вот оно должно стоить столько, сколько военный пенсионер за год не получит.

Елена заметила, к чему проявил интерес Виктор Иванович, и сказала:

– Это еще что! У нас на даче и буфет такой же, и журнальный столик, и два кресла. И не скажешь, что им уже почти двадцать лет.

– Мне кажется, это кресло как минимум девятнадцатого века, – хмыкнул Чесноков.

– Все правильно, – согласилась Федотова. – Я хотела сказать, у нас эта мебель уже двадцать лет.

– Вы купили мебель двадцать лет назад? До того, как Никифор Яковлевич попал в госпиталь?

– Купили? – Елена довольно расхохоталась. – Вот все так и считают. А мы за нее ни копейки не платили!

– Досталась в наследство?

– Что вы, какое наследство. У него родители были колхозниками, у меня папа водитель, мама швея на фабрике. Стыдно признаться, откуда у нас мебель барская. – Она показала в окно: – Посмотрите, сейчас там уже березняк растет, а раньше частные дома стояли. Мы только заселились сюда, а их сносили. Тоже, видно, застраивать многоэтажками планировали, но такое время тогда наступало – только разрушать ума и хватало. Ну и вот: свалка там образовалась, а на свалке этой – разбитая, старая выброшенная мебель. Ника, ну, муж, ходил по темноте, чтоб не видели, – ну, стыдно же, – и таскал домой то ножки, то крышку, то стекло гнутое от витрины буфета. Я ему помогала, и Сережа помогал, сын наш, он тогда только в первый класс пошел, но все равно: по планочке, по реечке... У Ники, скажу вам, руки золотые. И когда у нас беда случилась, ну, та, со стрельбой, у него произошел паралич. И он все пытал врачей, оживут ли руки. А те ему: оживут, вы их только развивайте, нагружайте... И он тогда эту мебель ошкуривал, подгонял, что-то заново вырезал, днем и ночью, днем и ночью...

Молодцов тоже внимательно осмотрел кресло, тут же ругнул себя: мол, не из того места у него руки растут, плинтус на кухне укладывал, и то криво...

– На реставрации мебели можно хорошо зарабатывать, – заметил Чесноков. – Особенно сейчас, когда возвращается мода на старину.

– Ну, что вы! – Елена даже рукой махнула. – Соседи все время его озадачивают: то стул починить, то столешницу заменить... Он ни с кого ни рубля не возьмет, такой человек. На хлеб с кефиром нам хватает, а больше и не нужно. Сережа уже самостоятельный, в Ростове живет, все у него есть, и мы никогда за длинным рублем не тянулись. Я работаю, да его пенсия, да дача... Вот, варенье оттуда, и из крыжовника, и из смородины, и вишневое. И пастилу я сама делала. Садитесь, чаек попьем.

Как раз к чаю вернулся из магазина и Федотов.

Варенье оказалось сказочным!

Когда речь зашла о делах, Елена спросила:

– Мне выйти? Или можно остаться?

– Да как хотите, – ответил Чесноков и выложил перед Федотовым веером сразу все снимки.

Тот дернулся, как бы отпрянул от них, щеку опять повела судорога. Елена быстро положила мужу руки на плечи, и Федотов тотчас успокоился.

– Этот, – произнес он хрипло и показал на фото брюнета. – Точно – он!

– Рядовой Забайраев, – пояснил Чесноков. – Вам эта фамилия, Никифор Яковлевич, ничего не говорит?

– Нет. Могу лишь повторить: я не знал ни одного из солдат.

9

Генерал-майор Всеволод Кириллович Громов выслушал Молодцова и Чистякова, пожал дужку очков, потом надел их, еще раз подвинул к себе фотографию, на которую указал Федотов:

– Значит, с миной уходил скорее всего Муса Забайраев. Его, говорите, опознал Федотов, и еще до этого его же как потенциального преступника определили вы сами. Чем основан ваш выбор, Константин Иванович?

– Интуиция, – коротко ответил Молодцов.

Громов перевел взгляд на следователя. Виктор Иванович развел руками:

– Увы, у меня такого дара нет. Однако мне было намного легче, чем Константину Ивановичу. Я опирался на факты и делал предположения, так как имел возможность познакомиться с личными делами всех пятерых солдат, которые охраняли «ружпарк». Двое были сибиряками, третий из Мурманской области, четвертый – саратовец, а пятый, Забайраев, почти местный, из Чечни. Ему проще всего было уйти с ранцем. Бежать же, к примеру, в Сибирь с такой нелегкой заметной ношей...

– Логично, – согласился генерал.

– И еще, Всеволод Кириллович. Поскольку обнаруженных на месте пожара трупов было больше, чем надо, нетрудно предположить, что у преступника появились сообщники, проникшие на территорию военного городка. Сколько их было, сейчас не установить, но в результате перестрелки солдаты двоих убили. Сообщники скорее всего из этих мест, во всяком случае, из этого региона. Потому я склонялся к версии, что преступник – Забайраев.

– Убедительно. – Генерал еще раз взглянул на фото, потом перевернул его и положил на стол. – Во всем согласен, но... Но есть факты, которые говорят о другом. Правильно, майор Веретенников?

– Так точно, – ответил тот. Открыл лежавшую перед ним папку и продолжил говорить, заглядывая в лист: – Вот, официальные бумаги. Рядовой Забайраев Муса Бекханович погиб при исполнении в сентябре девяносто третьего, похоронен на кладбище в родном селе, в западном гробу... Ну, понимаете, почему.

– Это-то понимаем – сгорел боец, – кивнул Громов. – А вот все остальное – под огромным вопросом. Или память Федотова, факты Чистякова и интуиция Молодцова никуда не годятся, или вместо Забайраева похоронен другой человек. Но тогда, может быть, этот Муса появлялся все же в семье, кто-то его видел, что-то о нем слышал? Над этим надо сейчас поработать.

– Понял, товарищ генерал-майор. – Веретенников закрыл папку, словно демонстрируя свою готовность приступить к решению поставленной задачи тотчас же. – Я это село хорошо знаю, неоднократно там бывал.

– Потому, Всеволод Кириллович, ни Олега, ни других товарищей, которых могут знать в селе, лучше не использовать, – возразил Молодцов.

– Обоснуйте, Константин Иванович.

– Село это – тайп чеченского рода, большинство людей здесь, следовательно, соединены родственными узами. Братья, сестры, дядя, даже страшно подумать, какого колена. Главная власть тут – самый уважаемый тайпом человек, и никто за его спиной не скажет, не шепнет, особенно силовика, ничего о ком бы то ни было из своих. И мы добьемся обратного: если Муса Забайраев жив, он тотчас узнает, что им интересуются органы. Нам это надо?

На какое-то время в кабинете начальника УФСБ воцарилось молчание. Генерал понимал, что Молодцов прав. Сам он прибыл в этот регион считанные месяцы назад, вращаясь в сложную обстановку бегом невозможно, не зазорно учиться у более опытных, хоть и молодых.

– Ваши предложения? – Громов снял очки и опять прихватил губами дужку.

– Я готов их изложить сразу после того, как переговорю с генерал-майором Филимоновым. – Тут Константин понял, что собеседники могут истолковать эти его слова несколько иначе, мол, не хочет подполковник им доверять, держит от своих же закрытые карты, и потому счел нужным сразу же добавить: – Вопрос касается одного офицера, которого я хотел бы видеть здесь. Моего желания на это, естественно, мало, нужно согласие начальства.

Филимонов на просьбу Молодцова не раздумывая дал «добро».

Вечером Костя зашел в номер к Калинину. Вячеслав занимался наукой: перед ним были открыты сразу две книги на страницах, заполненных формулами, и он что-то записывал в толстую тетрадь.

– Если ты с предложением позаниматься, то перенесем на часок, а? Мысль интересная пришла, прерваться не могу.

– Макет мины завтра будет готов, – кивнул Молодцов. – Сегодня через час, как и просишь, я к тебе все же приду, с чертежами поработаем. А пока отниму у тебя две минуты, Слава. Поиск нашего «ранца» может затянуться, а у тебя, наверное, времени для ожидания не так много. Филимонов сказал, что ты можешь поступать так, как хочешь. Возвращайся дня через три, когда сделаешь из меня грамотея по минам, в Москву, спокойно занимайся там наукой, а когда понадобится...

– Понимаю, что найти мину – задача сложная, – перебил его физик. – Но поиск может затянуться, а может, и не затягиваться, так? И тогда в дело пойдут минуты. За них я из столицы сюда никак не успею долететь, поэтому – останусь.

– В таком случае, прошу гонять меня по всем пунктам с этим вашим изделием. И по теории, и по практике. По практике – особенно.

– С практикой как раз и будут сложности, – хмыкнул Вячеслав. – Мне надо видеть, что за мину мы найдем, какой конкретно модификации. Я ведь уже объяснял, что некоторые тонкости этого изделия знаю только я, и на словах чужому человеку это передать сложно. Потому вдвойне спасибо вашему Филимонову, что он оставил за мной право решать вопрос с отъездом.

– Согласен. Скажем ему спасибо. И ликбез продолжаем. Приду через час.

10

На другой день после телефонного разговора с Филимоновым Молодцов встретился с сотрудником своего отдела майором Гамлетом Арзуманяном. Встретился как бы случайно. Шел себе по оживленной городской улице, шел, и вдруг – бац! Гамлет! Сослуживцы и друзья по жизни, они не бросились обниматься, даже рукопожатиями не обменялись, просто повернули в одну сторону, в золотой от осени парк, пустой в это утреннее время, и оказались за одним столом в кафе-стекляшке чуть ли не единственными посетителями. Это было то самое кафе, где накануне подполковник дегустировал домашнее вино с Калининным.

На этот раз обошлись без вина.

– Спасибо, Костя, что ты меня из столицы выдернул. Эх, за встречу бы сейчас!.. – Но, увидев, как тень пробежала по лицу Молодцова, Гамлет коротко рассмеялся и проговорил с акцентом: – Шютка, дорогой! «Барбамбия – керкуду!» Ты же знаешь, я свое давно выпил.

Костя знал о нем все, тайн друг от друга у них не было.

Арзуманян был старше Молодцова. Еще в девяносто третьем он, тогда старший лейтенант, выпускник «разведфакультета» Киевского ВОКУ, командовал ротой, принял в горах Дагестана свой первый бой. Сразиться пришлось с хорошо вооруженной, одетой в армейский камуфляж бандой численностью до сорока человек. Накануне Гамлет получил информацию, что неизвестные напали на милицкий пост, забрали там оружие, несколько комплектов формы, без следа исчезли в горном лесу, и совершенно непонятно было, куда они держат путь. Вводные от начальства ротный получил в самых общих словах: усилить бдительность, выставить блокпосты, взять под наблюдение дороги и тропы... И уже по своей инициативе Гамлет предпринял те меры, которые позволили встретить банду как следует. Рота не потеряла ни одного человека и «положила» двенадцать бородачей. Трех тяжелораненых добили свои, это потом уже определили нагрянувшие к месту сражения криминалисты.

Командир батальона сказал: «Сверли дырку для ордена, Арзуманян!» А пока послал его в Махачкалу, чтобы тот сделал начальству подробный доклад о случившемся. Доклад Гамлет сделал днем, а вечером в гостинице выпил местного коньячного спирта. Выпивка прошла с последствиями: ему попытался преподать уроки морали капитан милиции, и Гамлет поставил ему фонарь под глазом. Какой там орден! На другой же день начальство всыпало ему по полной, и в свое подразделение он вернулся уже в должности замкомандира роты. Причем с зарубкой на носу: повторится подобное – придется и вовсе распрощаться с погонами.

Через три недели произошел новый бой: более жесткий и кровавый. Арзуманян был уверен, что роту атаквала «старая» банда. На убитых была та же форма, и приемы боя они применяли те же. Два его бойца получили ранения, а банда потеряла семерых. Роту опять трясло начальство: каждое нападение – ЧП, и новоиспеченный ротный, совестливый порядочный парень, доложил, что всеми вопросами обороны и общее командование боем вел старший лейтенант Арзуманян. Но в Махачкалу его больше не приглашали для получения награды. Через два месяца восстановили в должности, перевели почти в райское место, под Дербент, где он тут же влюбил в себя жену начальника районного автохозяйства и опять попал в опалу.

Потом были две военные кампании с Чечней, где его то представляли за боевые заслуги к орденам, то снимали с погон звездочки за недостойное поведение. Тут свое играл закон подлости: отмечали значимые события хором, но попадался он всегда один. Приметный, что ли? Когда совсем ушел в завязку, случилось ЧП иного плана: в его холостяцкую однокомнатную постучалась девушка, почти девочка, девятнадцать лет всего, студентка, с которой он, познакомившись, всего-навсего один раз сходил в кино. Но она постучалась, твердо сказала, что не уйдет отсюда, и он не посмел ей возразить.

Вроде ничего крамольного, но Алла, так ее звали, была дочерью ну очень большого начальника республиканского уровня. И этот начальник сказал: я сотру тебя в порошок, Арзуманян...

Как знать, чем бы окончилась эта история, но как раз в те годы Молодцову выпала сложная командировка на Кавказ. Там-то он и познакомился со стареющим капитаном. Капитан Костю поразил: он не просто знал чеченский, а умел говорить на диалектах многих тукхумов, ориентировался в горах без карт и компаса, стрелял с обеих рук и мог этими же руками ловить форель в ручьях. А еще знал армянский, азербайджанский, грузинский... Словом, в ту командировку Гамлет ему здорово помог, и когда прощались, Молодцов сказал традиционное:

– Дай бог, еще увидимся!

На что капитан честно ответил:

– Это вряд ли. Придется мне, чувствую, снять погоны, Костя! И вообще, ситуация у меня... Уйду со службы – куда податься? Семью ведь кормить надо. Слава богу, жена, Аллочка, меня пока понимает, она замечательный человек, и дочурка – чудо, но ведь сам же чувствую, что могу перестать быть им опорой. Как жить дальше? То ли с нуля все начинать, то ли в омут с головой...

– погоди, – сказал ему Молодцов, – не спеши в омут, туда завсегда успеется...

Генерал Филимонов Костю не сразу понял, но все же согласился побеседовать с опальным капитаном и на другой же день после беседы отдал нужный приказ...

Гамлет переехал в Москву, зарегистрировал отношения с чудной женщиной Аллой, получил жилье. Далее произошла несколько комичная ситуация. Отец Аллы попал под начальственные разборки, лишился должности и чуть не лишился свободы. Потерянный и жалкий, приехал по вызову прокуратуры в столицу, а гостиницу, как раньше, ему не предложили, и опальный политик две ночи спал на раскладушке в квартире у Гамлета. Перед отъездом домой пил с зятем коньяк и по-отечески обнимал его за плечи. Даже слезу уронил: «Прости меня, дурака старого!» Теперь одаривает внучку подарками и считает Гамлета сыном. А с Аллой у Гамлета если и возникают споры, то только в одном: жена еще ребенка хочет, а Гамлет кричит в ответ: «Ты с ума сошла, я ведь старик, мне почти сорок!» Супруга в ответ лишь смеется: «Ты фору и двадцатилетнему дашь»...

Сейчас они сидели в кафешке, и Косте казалось, что его друг выглядит моложе, чем в первую их встречу. Веселые глаза, на лбу морщин поубавилось.

– Дай два дня, – сказал он. – Двух дней вполне хватит, чтобы разобраться с вопросом.

– Да, на больше, Гамлет, у нас с тобой времени нет...

Арзуманян выслушал нужную фамилию, адрес, ничего не записывая. Минуту рассматривал фотографии, одну забрал себе, остальные возвратил. Фотографии были взяты из солдатских дембельских альбомов.

– Зачем тебе этот снимок? – спросил Костя. – Он групповой, на нем человек десять, может быть, отделение, лица бойцов мелкие, трудно различить какие-то детали.

– Смотри, – ответил Гамлет, – вот наш рядовой Муса Забайраев, а через одного справа – я! То бишь, как будто это я. Вах, разве не похож, да?

Молодцов вгляделся в фотографию. И вправду, в солдате, на которого указал майор, что-то есть от Гамлета: нос, овал лица, рост.

– Как же ты сразу ухватил сходство! Думаешь на этом сыграть?

– Черт его знает, Костя, на чем сыграть придется, может, и роль сослуживца пригодится. Ты знаешь фамилию моего двойника?

– Да, на обороте фотографии они все переписаны, справа налево. Который похож на тебя, – Молодцов вгляделся в надпись, – Сергей Мнацакян.

– Прекрасно! – самодовольно усмехнулся Гамлет. – Побуду Мнацакяном. Надеюсь, из земляков Забайраева в роте больше никого не было?

- Не было, – ответил Молодцов. – Это проверено.
- Ладно, пьем компот и прощаемся. Значит, на все про все у меня два дня.
- Да, два дня. Встречаемся в четверг тут же, в шестнадцать ноль-ноль...

11

Эти два дня ушли у Молодцова на то, что называется сбором информации. Допросы членов банды умершего Дешериева пока ничего не давали. Удалось лишь узнать, что большую группу молодежи готовили к отъезду в Ирак. Кроме Дешериева молодые боевики ни с кем дела не имели. Лишь за пару дней до нападения на военный городок в их спортивном лагере появился Хромой – так его все звали. Хромой ничего не говорил, просто наблюдал вместе с Учителем за их занятиями. Дешериев же сказал, что этот человек – герой Ичкерии, был другом самого Дудаева и теперь отбирает для себя лучших из лучших. Ему нужен отряд для очень важного дела.

Что за важное дело, кто такой Учитель – члены банды не знали или категорически не хотели озвучивать. Учитель – и все. Он говорил с ними об исламе, об истории, о том, по каким правилам надо жить истинному мусульманину.

По просьбе Молодцова, в «конторе» в Москве и на Кавказе стали рыться в бумагах, опрашивать старых специалистов по Дудаеву, президенту Ичкерии. В его окружении Хромого не было.

Но зато товарищи выудили для Кости кое-что интересное. В девяносто четвертом году в Урус-Мартановском районе режим Дудаева казнил более двухсот оппозиционеров, которых поддерживала Москва. Так жестко он к тому времени еще не поступал. Власти России молча проглотили эту пилюлю, даже в СМИ об этом было сказано лишь мельком. В том же году Дудаев провел в Грозном Общенациональный съезд, на котором была объявлена «священная война» России и всеобщая мобилизация. Когда близкие к Дудаеву люди спросили, не боится ли он немедленных ответных мер Москвы, тот ответил: «Нет, не боюсь. Москва знает, что стоит мне махнуть рукой, и от столицы мало что останется». Тогда это можно было рассматривать под таким углом, что в Москву выедут «смертники» с шахидскими поясами, активизируются по части диверсионной деятельности чеченцы, уже живущие в столице. Но старый фээсбэшник по секрету сообщил генералу Филимонову:

«Дудаев, Гриша, якобы дал знать Ельцину, что Ичкерия располагает адским оружием, оно уже в Москве, и если армия России пойдет на Грозный, его приведут в действие. Ельцин задумал проверить, не блефует ли кавказский генералиссимус, бросил на это все службы безопасности, – и ему наверняка было доложено о пропаже „ядерной мины“. Только когда компетентные органы решили взять на себя ответственность и доложить Главкому, что „ранца“ в Москве нет, наши войска пошли на Грозный. Но время было упущено: мобилизационные мероприятия позволили Дудаеву основательно укрепить свои военные силы. И моральные. На Кавказе любят демонстрацию силы. И в этом плане русские вроде бы испугались, не ответив вовремя на явную наглость...»

Генерал Филимонов, рассказав об этом Молодцову, добавил:

– Это, конечно, и домыслами может быть, официально о нашей мине ничего нигде не запротokolировано, но если она существует в природе, если до сих пор не рванула нигде, то, значит, вправду ждет своего часа. Потому прошу вас там... Впрочем, к черту наставления, сам все понимаешь, Костя...

Молодцов понимал.

И еще по большому счету ему льстило, что самые сложные задачки генерал доверял решать ему. Эта задача – из такой категории. Задача с одним известным: есть мина. В ответе ее надо либо добыть, либо обезвредить. Где она, в чьих руках, в каком состоянии – это как раз неизвестные. Ему с Арзуманяном, и не только, конечно, с ним, придется поломать над этими вопросами голову. За два данных ему дня Гамлет, вполне возможно, что-то в задачке прояснит.

Два дня пролетели.

Молодцов снова сидел в той же забегаловке, смотрел, с каким презрением майор копается вилкой в гуляше.

– Что, друг, общепитовские блюда не нравятся? Там тебя небось шашлыком из черного барашка угощали?

– Да, представь себе, – кивнул Гамлет. – И шашлыком угощали, и своим вином, и на кладбище водили. Туда абы кого не поведут, ты же знаешь.

– Гвоздики на могилу возложил?

– Что ты! Цветы на могилы приносить у мусульман не принято. И портреты, кстати, прикреплять или из мрамора лица выбивать. Все очень скромно. Камень, на нем фамилия, год рождения, год смерти. Мы туда с братьями Забайраева ходили – у Мусы два младших брата и три сестры, все живут там. Родители уже умерли. Отец шесть лет назад, а мать – полтора года. На похороны собирались все родственники, буквально все...

– Что ты хочешь этим сказать? Ты не случайно ведь об этом говоришь? – насторожился Молодцов.

– Да, Костя, не случайно. Народу на похоронах было много, однако никого из неожиданных гостей сюда не занесло. Если бы Муса объявился, я бы узнал. И вообще, о нем – никаких слухов, никаких сплетен. Погиб – значит, погиб. Тут только одно интересно. На похороны погибшего солдата семье кто-то передавал крупные суммы денег. И позже тоже деньги передавали. Кто – Забайраевы не знают и этим вопросом не заморачиваются. Их родители, говорят, были уважаемыми людьми, мало ли... Приезжала машина, выходил человек, передавал сверток и тут же уезжал. Только о марке и номере машины меня не спрашивай, ладно? Когда у людей горе, они на ерунду внимания не обращают.

Словом, следов Мусы Забайраева найти не удавалось. Умер так умер.

– Гамлет, – сказал Молодцов, – ты большое дело сделал. Можешь, конечно, хоть сегодня возвращаться домой, но я хотел бы...

– А то я этого не хочу! – перебил Арзуманян. – Место в вашей гостинке найдется?

Глава 2

1

Умер так умер, сказали друзья о Забайраеве.

Но это было не так.

В сентябре 1993 года рядовому Мусе Забайраеву исполнилось двадцать лет. На утреннем построении командир роты поздравил его перед строем, объявил, что солдат может рассчитывать на внеочередное увольнение. Будто чувствовал, что в этот день такое поощрение ему пригодится.

Вечером с КПП позвонили командиру роты:

– Товарищ капитан, тут к вашему Забайраеву брат приехал!

Ротный вызвал Мусу:

– Иди, встречайся с родственником. Но – не пить и к отбою не опаздывать.

Муса недоумевал: как мог приехать брат? Старшему из оставшихся дома братьев тринадцать лет, он если куда из дому и выезжал, то в райцентр, с мамой, конечно же. Возможно, брат двоюродный? Но что об этом командиру говорить, надо сначала гостя увидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.